

Я не собираюсь разрушать гитару

Впервые с концертами Москву посетил шотландский гитарист-виртуоз Пол ГОЛБРАЙТ. В его репертуаре не только произведения, написанные для гитары. Он исполняет скрипичные сонаты и партиты Баха, записи которых была номинирована на "Грэмми", клавирные сонаты Гайдна, аранжировки фортепианных опусов Дебюсси, Равеля, Куперена. Аккомпанировал гитаристу Камерный оркестр России под управлением Константина Орбеляна. Палитра инструментов Голбрайта, которого называют "Паганини гитары", кажется безграничной, и его звучание подчас напоминает различные инструменты: арфу, гусли, виолончель и даже фортепиано. И все это не только благодаря фантастически свободному владению инструментом. Музыкант играет на необычной гитаре, которая имеет восемь струн. Столь же непривычна "посадка" гитариста: он сидит на подиуме и держит инструмент вертикально, как виолончель.

— Ваш инструмент уникален. Не представите ли его?

— Моя гитара похожа на классическую испанскую шестиструнку, к которой добавлены две дополнительные струны, верхняя и нижняя. Они разной длины. Такая конструкция позволяет всем струнам быть в определенном натяжении. Ведь если добавить басовую струну, сохранив привычную длину, то струна будет провисать. А верхняя в таком случае окажется слишком перетянутой.

— Отчего возникло желание видоизменить гитару?

— Гитаристы никогда не были удовлетворены тем количеством струн, которые предоставляет им инструмент. Увеличение струн — не моя идея. Она, если хотите, давно витала в воздухе. Были музыканты, которые пробовали добавлять струны, менять размер грифа и форму корпуса. Для меня изменения не были чисто техническим усовершенствованием, это шло в русле музыкальных интересов. Хотелось усилить громкость гитары, расширить ее возможности, чтобы исполнять более разнообразный репертуар. Ни одна из разновидностей гитары таких возможностей не предоставляла. Например, "Картинки с выставки" Мусоргского. Музыкант, который их играет на обычной гитаре, напоминает камикадзе — столь стремительно должна перемещаться по грифу его рука. На моем инструменте можно, не меняя позицию, охватить большой звуковой ряд.

— Вашу гитару, полюбившую широкий диапазон и небывалую громкость, специалисты относят к числу революционных открытий. Как долго вы работали над усовершенствованием инструмента?

— Я обратился к знаменитому английскому мастеру Дэвиду Рубио. Он — человек научного склада — выслушал меня, понял, что меня заботит, и сказал, что будет думать. Думал целый месяц, а потом предложил идею восьми струн и расширенного грифа.

С тех пор прошло уже десять лет, и созданная гитара оказалась идеальной для меня. Играть на ней можно многое из фортепианного репертуара с минимумом потерь в количестве нот. Эта музыка обретает новую образность — ведь интимный, проникновенный тембр гитары неповторим.

— Почему вы держите инструмент вертикально?

П. Голбрайт

— После многих экспериментов я поменял положение гитары, поставил ее как виолончель — это дало возможность почувствовать полное расслабление. Руки совершенно свободны, и уже нет той скованности, которая неизбежна в традиционной позиции, когда они поддерживают инструмент. Я так же держал и обычную шестиструнную гитару.

— Вы согласны с избитым сравнением гитары с женщиной?

— Я намного прозаичнее своих коллег, хотя знаю страсть многих гитаристов видеть в своем инструменте даму сердца. Даже великий Андрес Сеговия называл свою гитару любящей женой. Корпус гитары при определенной доле фантазии похож на женскую фигуру. Эта исторически сложившаяся форма была следствием посадки музыканта, постановки его рук. Сейчас, когда в моей гитаре и то и другое изменилось, ей уже совсем не обязательно иметь привычную форму, напоминающую восьмерку. Можно сделать ее корпус в виде ящика или груши. Но я пока привязан к традиционной, она мне нравится. К тому же быстрая эволюция опасна. Достаточно того, что я воплотил идею восьми струн.

— Справедливо ли утверждать, что ваш инструмент только номинально является гитарой, а на самом деле — какой-то совершенно новый экземпляр?

— Нет, это — гитара, которую я люблю и не собираюсь разрушать. Просто хочу открывать ее новые возможности.

— Вас называют бунтовщиком. Как вы к этому относитесь?

— Нахожу это странным. Меня так же называли и в колледже, когда я играл на обычной гитаре. Кажется, что наиболее дерзким представляется мой способ держать инструмент.

— Допустима ли эволюция, которую вы совершили по отношению к гитаре, в других инструментах? Трудно себе представить, что кто-то к фортепиано добавит октаву или изменит количество струн у скрипки...

— Гитара — молодой инструмент, и сегодня с ним происходит то, что другие инструменты пережили гораздо раньше. У виолончели первоначально не было штыря, а усовершенствование корпуса скрипки радикально поменяло скрипичную технику. Просто эти изменения, как и расширение фортепианной клавиатуры, проходили в прошлые столетия, а гитара меняется на наших глазах.

— Как родилась ваша любовь к этому инструменту?

— Во мне параллельно жили две страсти: фортепиано и гитара. Отец был поклонником Рихтера, я слушал его игру с трехлетнего возраста и, естественно, хотел стать пианистом. Серьезно осваивал фортепиано, а на гитаре играл согласно моде. Но на определенном этапе, в период моего музыкального становления, мне больше повезло с гитарными учителями. Потом у меня появились замечательные фортепианные наставники, но душа уже была отдана гитаре.

Вообще, очень интересная тема — почему музыкант выбирает тот или иной инструмент, что движет его выбором. Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Понимаю, что существует определенный душевный резонанс, который "притягивает" к определенному звуку. Гитарный звук свободный человек.

— Почему вашу гитару сравнивают с лютой и виолончелью?

— С виолончелью только из-за постановки инструмента и моей посадки. А с лютой из-за количества струн, ведь барочная лютя тоже была многострунной. Иногда звучание гитары сравнивают с клавесином, флейтой и органом. Это комплимент моему инструменту, который полон акустических преимуществ.

— Гитара — самостоятельный инструмент, или она все-таки нуждается в партнерстве?

— Сама по себе гитара, конечно, независима, но вполне сочетается как с отдельными инструментами, так и с оркестром. Я предпочитаю соло или небольшие ансамбли. Для этого и создал Бразильский гитарный квартет, в который входят две классические гитары и две восьмиструнные.

— Какой репертуар вы предпочитаете?

— Основной интерес — классика: Бах, Гайдна, Моцарт, вплоть до Брамса. Это — постоянная страсть, а попутно я переживаю разные увлечения. Был период Шёнберга, сейчас увлечен французской музыкой, подспудно растет интерес к грузинским и азербайджанским мелодиям. Из-за моих увлечений меня нередко обвиняют в эклектике. Но мне нравится, например, во время гастрольных путешествий осваивать музыку той страны, куда забросила судьба.

— Не потому ли вы так часто меняли города и страны?

— Первоначально передвижения были связаны с образом жизни семьи. Отец любил путешествовать и дольше, чем на два-три года, нигде не задерживался. Родился я в Эдинбурге. Когда мне было четыре года, мы переехали в Северную Африку. Потом были Греция и Германия.

В возрасте четырнадцати лет я самостоятельно переехал в Манчестер. В те годы старший брат, увлеченный гитарой, занимался роком и хотел меня обратить в свою веру. Поначалу я начал играть популярную музыку, но меня потянуло к классике. Тот первый "отрыв" от семьи я переживал болезненно, но мечта оказаться в центре музыкальной манчестерской школы была сильнее. Хотя в Манчестере, самом мокром месте Англии, где дожди, по-моему, не прекращаются никогда, я находился в постоянной депрессии. Зато многому научился.

Теперь осел, живу в Бразилии, от-

куда родом моя жена. К тому же гитара — это часть бразильской культуры.

— Приходилось слышать, что сам Сеговия благословил вас...

— В восьмидесятых я участвовал в Международном конкурсе гитаристов имени Сеговии в Англии. Сам maestro, лучший гитарист всех времен и народов, присутствовал на прослушиваниях. После концерта он отозвал меня в сторону: "Сынок, хочу сказать тебе пару слов". В восторге я замер. Сеговия продолжал: "Ты, пожалуйста, не делай двух вещей. Во-первых, не притоптывай так сильно ногой, когда играешь, и, во-вторых, не настраивай гитару так громко". И все. После конкурса, как мне сказали, он высоко оценил мою игру.

— Серебряная медаль конкурса изменила вашу жизнь?

— Она словно расчистила путь, как и похвала Сеговии, дала определенный шанс. Через год я уже играл в концерте вместе с Сеговией, ощутил себя знаменитостью, и мне стало ужасно грустно. Показалось, что впереди тупик. Потом все, конечно, встало на свои места.

— Вы признаете пользу музыкальных конкурсов?

— Конкурсы были полезны до того времени, пока их не стало так много. Сейчас вряд ли кто вспомнит имя победителя последнего, а тем более предпоследнего конкурса, к примеру, Шопена. Победа перестала быть чем-то значительным. Такое странное время наступило. Технически сильных музыкантов много, но признания добавляются только значительные личности, а конкурсы во многом создают стереотипы, но не индивидуальности. Моя дочь занимается музыкой, и я, если смогу, постараюсь уберечь ее от раннего созревания и от участия в конкурсах.

— Год назад вы с Петербургским струнным квартетом исполнили и записали "Распосид на грузинские темы" Зураба Надарейшвили. Как родилось это сотрудничество?

— Достаточно случайно. В Америке мы совпали по времени гастролей с петербургским квартетом. Наслушавшись друг друга, решили попробовать сыграть вместе.

— Кто ваш любимый партнер?

— Мой главный учитель — греческий дирижер, пианист и философ Джордж Хаджиникос. Он дирижировал оркестром во время наших совместных гастролей по городам Индии и Германии.

— Какое впечатление произвела на вас Москва?

— Видел не очень много, достопримечательностями, в основном, любовался из окна автомобиля. Но чувствую себя здесь комфортно, почти как дома.

— Вы стали знаменитым благодаря записям Баха. Это по-прежнему ваша любимая музыка?

— Бах — это айберг, его можно постигать бесконечно. Мой первый диск — запись Трех сонат и Трех партит для скрипки. Это инструментальное Евангелие в форме триптиха, единое целое, повествующее о Рождестве, Страстях и Воскресении Христа.

Так замыслил Бах, написавший эти магические опусы после смерти любимой жены Барбары. Так и я старался "прочитать" этот шедевр.

Беседу вела
Елена ФЕДОРЕНКО